

Ганем В. А.
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
УГИ УрФУ

Сюй Вэньбо
магистрант филологического факультета
УГИ УрФУ, 2 курс

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СКАЗКИ О ЦАРЕВНЕ-ЛЯГУШКЕ

В последние годы растет число сравнительных исследований русских и китайских волшебных сказок. Одним из методов, к которым обращаются исследователи, является структурно-сопоставительный анализ сказок, принадлежащих к одному сюжетному типу. Например, «Китайская Золушка и ее русские “сестры”» [Ван Тэн, 2019] или «Сопоставление русских и китайских сказок: сюжет и образы (сюжет о золотой рыбке)» [Пахомова, Чжан Чжунвэй, 2018]. Следуя этой тенденции, мы решили сопоставить русскую сказку «Царевна-лягушка» и китайскую сказку «Лягушачья принцесса». Основанием к сопоставлению является то, что рассматриваемые сказки объединены сюжетным типом АТУ 400 («Муж ищет свою пропавшую или похищенную жену») [Дин Найтонг 2008: 70], а также общей для обеих героинь связью с образом лягушки.

Материалом анализа послужил вариант сказки «Царевна-лягушка» №269 из сборника «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева и вариант сказки «Лягушачья принцесса», записанный немецким синологом Ричардом Вильгельмом и переведенный на английский язык Фредериком Мартенсом.

Как мы уже отмечали ранее, в обеих сказках реализован один и тот же сюжетный тип АТУ 400 («Муж ищет свою пропавшую или похищенную жену»). Так, оба главных героя – Сюе из китайской сказки и Иван из русской – теряют расположение своих волшебных возлюбленных, возлюбленные покидают их, они отправляются на их поиски, в конце концов им удается вернуть жен. Дополнительное сходство, на наш взгляд, связано с принудительным характером и того, и другого брака, а также тем, что и та, и другая героиня, покинув дом мужа, оказываются обещаны другому: принцесса лягушек – юноше из семьи Юань, Василиса – Кощею Бессмертному.

При детальном сопоставлении сюжетов мы можем увидеть ряд различий: 1) контаминация основного сюжета АТУ 400 в русской сказке с сюжетом 402 по указателю Н. П. Андреева («Царевна-лягушка: младший брат ищет невесту в болоте; лучше всех выполняет поручения отца, приносит самый лучший ковер и т. д.; лягушка превращается в царевну»); 2) в свою очередь, в китайской сказке обращают на себя внимание признаки, характерные для жанра легенды; 3) обусловленные этим различия в зачине и финале сказок; 4) утраивание основной коллизии в китайской сказке (жена Сюе трижды покидает его и только на третий раз он отправляется на ее поиски). Однако, несмотря на эти различия, все же основа у сказок одна – это сюжет АТУ 400.

При этом данные сказки перекликаются не только на уровне сюжета. Сходства обнаруживают между собой и персонажи. Так, Иван похож на Сюе в следующем:

1) подчеркнутое превосходство героев (красота, ум и сообразительность Сюе из китайской сказки, высокий статус Ивана из русской сказки);

2) изменение отношения к царевнам, когда те демонстрируют им свой человеческий облик. Когда лягушка ловит стрелу Ивана, благодаря чему становится его невестой, он не желает жениться на ней. Ему претит лягушачий облик Василисы Премудрой. Когда Василиса Премудрая превращается в прекрасную девушку, он спешит сжечь лягушачью кожу с целью навсегда сохранить человеческий облик своей супруги. В китайской сказке отмечается, что Сюе опасался брака с принцессой лягушек, но, увидев ее в человеческом образе, влюбился с первого взгляда.

Кроме того, созвучия можно отметить на уровне второстепенных персонажей сказок. Так, отец Ивана, царь, просит Василису Премудрую соткать для него ковер, а мать Сюе просит царевну-лягушку помочь ей сшить одежду.

Перекликаются и образы главных героинь. Их объединяет волшебное происхождение и ипостась лягушки.

Остановимся на происхождении героинь. Отцом принцессы лягушки является король лягушек. В сказке король лягушек – это бог, у которого есть храм и которому поклоняются люди. При этом они и уважают, и боятся его. Боятся, потому что, если люди прогневают его, он может навлечь на них несчастья. В сказке, когда король лягушек рассержен, он дважды насылает беду на дом Сюе. В первый раз он делает Сюе и мать Сюе больными, а во второй раз он посылает огонь, который сжигает дом Сюе. В то же время люди уважают его за то, что он может благословлять их и приносить им удачу и богатство (*«And after they had been married their divine parents-in-law often came to their house. When they appeared dressed in red, it meant that some good fortune was to befall them; when they came dressed in white, it signified that they were sure to make some gain»*) [The Chinese fairy book 2009: 278] // *«И после того, как они поженились, их божественные свекры часто приходили к ним в дом. Когда они появлялись в красной одежде, это означало, что их ждет удача; когда они приходили в белой одежде, это означало, что они обязательно получают какую-то прибыль»* [Китайская книга сказок 2009: 278]

Отцом Василисы Премудрой, по-видимому, является могущественный маг. По замечанию одного из второстепенных героев сказки, старичка-лесовичка, *«Василиса Премудрая, [которая обладает волшебными чарами], хитрей, мудреней своего отца уродилась»* [Русские народные сказки 1985: 266], за что тот превратил ее в лягушку.

Волшебных возлюбленных объединяет и то, что с обеими связан мотив изобилия, которое они привносят, войдя в семью жениха. В сказке «Царевна-лягушка» этот мотив проявляется в выполнении Василисой Премудрой заданий царя (например, с помощью мамок и нянек она запекает вкусный хлеб). В китайской сказке жена говорит Сюе в ответ на его укоры следующее: *«Since I have dwelt in your house your fields have yielded larger crops, and you have obtained the highest selling prices. And that is something after all»* [The Chinese fairy book 2009: 278] // *«С тех пор как я поселилась в вашем доме, ваши поля дают больший урожай, и вы получаете самые высокие цены при продаже. А это уже кое-что»* [Китайская книга сказок 2009: 278].

Вероятно, в обеих сказках отражен переход от эндогамии к экзогамии. Союз «людей» и «нелюдей» – отголосок брака вне своей племенной группы, который Е. М. Мелетинский охарактеризовал следующим образом: «В архаических обществах и архаическом фольклоре обмен женщинами, вообще брачный “обмен” (Леви-Стросс рассматривает его как важнейший вид коммуникации) есть средство приобретения ценностей, которыми владеют другие общественные группы» [Мелетинский].

Следует также отметить, что и с той, и с другой героиней связан мотив оборотничества. Он более очевиден в русской сказке «Царевна-лягушка». В ней встречаем примеры «активного» и «принудительного» оборотничества (определения исследователя С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2016: 15]). Примером «активного» оборотничества является то, что Василиса, сразу

после того, как Иван сжег лягушачью кожу, покидая супруга, превратилась в белую лебедь. Ипостась же лягушки, в которой она предстает в начале сказки, навязана ей насильно ее отцом-магом. В свою очередь, лягушачья принцесса в китайской сказке, в отличие от Василисы Премудрой, по своей сути является лягушкой, а человеческий облик – лишь ее личина. Это связано с тем, что китайские оборотни являются воплощенными сущностями нечеловеческой природы, облаченными в чужую (человеческую) личину [Неклюдов 2016: 26]. При этом, как мы видим, и в том, и в другом случае, животная ипостась представляет собой связь с иным миром.

Остановимся на образе лягушки. Почитание лягушачьего бога из китайской сказки связано с примитивными религиозными верованиями долин рек Янцзы и Хань в Китае, точнее – с тотемным культом лягушки, распространенным в южном Китае. Однако география культа лягушки шире: так, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» приводят в пример различные суеверия о лягушках, в основе которых лежит убеждение о связи последних с дождем и, как следствие, плодородием [Славянские древности, Т. 3. 1995: 162–164]. Поскольку в обеих сказках жен-лягушек возвращают, что привносит в мир героев изобилие, мы можем предположить, что в сказках нашли отражение не только представления о преимуществах экзогамного брака, но и переживания, связанные с утратой источника плодородия, и ритуалы, направленные на его дальнейшее возвращение.

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения между сказками, очевиден и ряд существенных сходств: 1) сходство сюжетов (волшебная супруга покидает мужа, и тот отправляется на ее поиски); 2) явные созвучия между образами героев – Ивана и Сюе, отца Ивана и матери Сюе, Василисой Премудрой и лягушачьей принцессой; 3) отражение в каждой сказке древних представлений об экзогамном браке и ассоциирующихся с ним трудностях, а также древних верований, связывающих лягушек с дождем и последующим обилием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М.: Наука, 1985.
2. Ван Тэн. Китайская золушка и ее русские «сестры» (сравнительный анализ сказок сюжетного типа АТУ 510А) // Филологические заметки. 2021. Т. 19. № 1. С. 144–163.
3. Мелетинский Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре). Режим доступа: <http://www.ru-skazki.ru/marriage-in-fairy-tale&p11.html>
4. Неклюдов С. Ю. Оборотничество: «природа вещей», объем понятия, региональные версии. М.: Индрик, 2016.
5. Пахомова Е. П., Чжан Чжунмей. Сопоставление русских и китайских сказок: сюжет и образы (сюжет о золотой рыбе) // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6. № 4 (21). С. 125–127.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1-2-3 / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995.
7. Wilhelm R. The Chinese fairy book. New York, Frederick A. Stokes Company, 1921. (Вильгельм Р. Китайская книга сказок. New York, Frederick A. Stokes Company, 1921).
8. 中国民间故事类型索引. 丁乃通 [М], 武汉: 华中师范大学出版社, 2008 (*Динь Найтонг*. Указатель типов китайских народных сказок // Ухань: Классический университет Центрального Китая, 2008. 430 с.).